

Яньчи сгорал от стыда и готов был сквозь землю провалиться.

— Нет, это не киноварь целомудрия! Киноварь целомудрия красная, а у меня она чёрная! Посмотри внимательнее!

Предубеждение, навеянное памятью о запястье Цзи Ванься, поначалу ослепило Цзи Хуайчжэня. Теперь же он присмотрелся: метка и впрямь была тёмной, словно в детстве кожу проткнули иглой, и след остался навсегда. Однако место для этого шрама было выбрано столь двусмысленное, что Великий наставник просто не мог упустить случая поиздеваться.

— Ладно, не киноварь целомудрия так не киноварь целомудрия, чего ты так вспыхнул? Лучше признайся: доводилось ли тебе прежде заниматься этим? Умеешь хоть что-нибудь?

Юноша замялся, не зная, кивнуть или покачать головой. За эти два дня он сполна прочувствовал ту дурную жилку, что порой проступала в характере этого человека, и теперь всерьёз опасался, что его слова станут очередным поводом для глумления.

— Стесняешься сказать? Что ж, буду считать, что не доводилось. Но раз опыта у тебя нет, откуда тебе знать, что это не киноварь целомудрия? Давай-ка я помогу тебе проверить: если завтра она исчезнет — значит, это была она, и я не стану над тобой смеяться. А если останется — признаю, что оклеветал тебя, и принесу нашему юному Сяо Яню нижайшие извинения.

С этими словами Хуайчжэнь снова принялся бесцеремонно стягивать с него одежду. Этой ночью он во что бы то ни стало решил заставить Седьмого принца вкусить запретный плод.

В конце концов, в постели мужчина мало чем отличается от бессловесной скотины. Господину Цзи не терпелось увидеть, будет ли этот мальчишка и в пылу страсти превозносить своего Лу Ши, словно драгоценное сокровище, оберегая и лелея каждое мгновение.

В мгновение ока халат был наполовину сорван. Яньчи, не выдержав, перехватил проказливые руки наставника и резко, одним рывком, прижал его к себе.

Тот замер.

Дыхание юноши было обжигающим. Оно опаляло ухо, и вместе с бешеным ритмом его сердца этот жар, казалось, передавался и самому Хуайчжэню. Цзи-пёс чувствовал, как пылает всё вокруг, и не понимал, его ли это собственное возбуждение или лихорадка Яньчи.

Впервые с ним обращались подобным образом — крепко, до боли, и в то же время с какой-то отчаянной нежностью. На краткий миг Тайфу притих, а затем спросил странным тоном:

— И зачем ты меня так держишь?

Стук сердца юноши отчетливо отдавался сквозь тонкую ткань исподнего. Яньчи, едва сдерживаясь, прижимал его к себе, чувствуя, как его возбуждённая плоть упирается в бедро мужчины. После бесчисленных провокаций парень впервые позволил себе переступить черту. Он уткнулся лицом в изгиб шеи Хуайчжэня и, подобно дикому волку, жадно вдохнул его аромат.

В этом диком, почти яростном жесте было столько силы, что Хуайчжэню стало больно, словно Яньчи вот-вот вонзит в него зубы. Эта внезапная потеря контроля заставила его на мгновение пожалеть о том, что он так безрассудно затеял игру именно сегодня.

Спустя минуту юноша, вдыхая его запах, наконец немного успокоился. Но рук не разжал — так и замер, припав к телу господина Цзи. Голос его звучал глухо и подавленно:

— Когда матушка забирала нас со старшим братом в Шанцзин, отец... мой папа не мог поехать с нами. Он не находил себе места от беспокойства за неё и велел поставить ей киноварь целомудрия. Я тогда был совсем маленьким и ничего не понимал. Увидев старух с иглами, я решил, что они хотят причинить маме боль, и бросился наперерез. Те не ожидали, что я подскочу, рука у одной дрогнула — так и остался этот след.

Ресницы Хуайчжэня дрогнули. Он промолчал, внезапно ощутив, как в душе шевельнулось что-то похожее на жалость — глупую и неуместную. Это незнакомое чувство вызвало у него резкое неприятие. По спине пробежал холодок, к затылку подкатила волна дурноты, а по коже поползли мурашки. Он несколько раз порывался оттолкнуть Яньчи, даже положил ладони ему на пояс, но так и не смог заставить себя это сделать.

«К черту всё, — подумал он. — Пусть шевелится что угодно, лишь бы не проклятая звезда любви».

Лицо Хуайчжэня исказилось. Он нехотя похлопал юношу по плечу:

— Спи уже. Своими рассказями ты мне весь настрой сбил.

Желание и впрямь улетучилось без следа.

На этот раз он всё же отстранил Яньчи, нырнул под одеяло и демонстративно отвернулся, кипя от злости. В мыслях он поносил всех подряд: Лу Ши, Яньчи, уехавшего Саньси... Весь мир казался ему кособоким и раздражающим. Собеседник, решив, что его приглашают разделить ложе, уже собрался лечь рядом, но Тайфу рявкнул:

— Проваливай вниз! Не смей ко мне прижиматься.

Юноша замер. В голове его внезапно всплыли слова деревенского старосты:

«Не смей и мечтать об этом. Он просто играет с тобой, а ты и уши развесил? Господин Лу зашёл в „Хунсю Тяньсян“ только ради забавы, и если он никого оттуда не увёл — значит, ты просто испортил ему всё удовольствие».

Неужели он и сегодня испортил Лу Шии всё удовольствие?

Только что комната была полна нежности и тепла, а теперь по ней гулял холодный сквозняк. Нехитрым чувствам Яньчи не нашлось места. Баюкая в руках разорванный рукав халата, он, униженный и обиженный, скатился на пол и затих на своей подстилке.

Ночь прошла в молчании. Ранним утром Хуайчжэнь проснулся оттого, что Яньчи накрыл его лицо горячим полотенцем — этот жест мгновенно погасил вспыхнувшее было раздражение.

— Ты ночью разговаривал во сне.

— И что я говорил? — подозрительно прищурился Тайфу.

— Ты звал маму.

Хуайчжэнь едва не расхохотался — настолько нелепым показалось ему это заявление. Даже не потрудившись одеться, он тут же отрезал:

— Быть не может. Что ещё я сказал?

— Ты всё время повторял: «Мама, я теперь добился успеха, вернись и посмотри на меня».

Тайфу внезапно замолчал. В его взгляде промелькнуло что-то зловещее.

Спустя мгновение он как ни в чём не бывало принялся одеваться, не желая продолжать этот разговор. Сказал лишь, что сегодня Яньчи должен составить ему компанию и прогуляться по городу. Заметив его реакцию, парень интуитивно почувствовал, что сболтнул лишнего, и поспешил закрыть тему.

После завтрака они наняли экипаж и отправились на Восточный рынок. Остановились у неприметной лавочки. Лавочник, дремавший в кресле, при виде гостей вскочил и поспешно выставил на прилавок заранее подготовленные коробочки. В них лежали кольца для стрельбы из лука.

Цзи Хуайчжэнь лениво скользнул по ним взглядом. Глаз у него был намётанный: он сразу

видел, где подделка, а где стоящая вещь.

— Господин пришёл как раз вовремя, только вчера доставили отменный товар, — затараторил хозяин, видя, как Тайфу примеряет одно из колец на палец Яньчи. — У вас великолепный вкус! Это кольцо лучника из хэтяньского нефрита с узором дракона-куй. Говорят, оно принадлежало самому Ли Гуану, «Летающему генералу». Этому юному господину оно как раз впору.

Хуайчжэнь искоса взглянул на застывшего рядом юношу и, не спрашивая, бесцеремонно натянул кольцо ему на палец.

— Про тебя говорят, господин. Ну что, нравится?

Яньчи тихо ответил, что нравится, но смотрел он при этом только в глаза Великому наставнику, не удостоив подарок и взгляда. Надень ему Хуайчжэнь на палец хоть ржавую железку, он бы и её хранил как родовую реликвию.

Хуайчжэнь протянул руку к лавочнику:

— Дай резец.

— Что ты задумал? — спросил Яньчи.

— Оставлю памятный знак. А то как иначе узнаешь, что это мой подарок?

Тайфу повертер в руках инструмент. Движения его были уверенными и привычными. На миг он задумался, снедаемый всё тем же дурным любопытством: какое имя вырезать? Лу Шии или Цзи Хуайчжэнь?

Сердце юноши таяло от нежности, он и помыслить не мог о коварных замыслах спутника. Уголки его губ то и дело приподнимались в улыбке, которую он тщетно пытался скрыть. Глядя на него, Цзи Хуайчжэнь лишь ядовито усмехался про себя: «Ну и дурак же ты, стоит поманить конфеткой — и ты уже в капкане».

Внезапно он отшвырнул резец и хлопнул в ладоши:

— Да ну, лень возиться. Имя у меня слишком длинное, писать замучаешься. Носи так.

Яньчи встревожился:

— Так нельзя, мы же договорились! Если имя слишком долгое... ты... ты просто нарисуй ласточку.

Вспомнив ночное «Сяо Янь», парень снова густо покраснел. Он взял Хуайчжэня за руку и вложил резец обратно в его ладонь.

Скрытая в толпе Бай Сюэ видела всё до последней мелочи. Сидя на ветке дерева, она обречённо хлопнула себя по лбу. «Бедный малый, — подумала она. — Кого угодно мог себе в противники выбрать, но только не Цзи Хуайчжэня».

Подобных безделушек Хуайчжэнь раздарил за свою жизнь не одну сотню. У каждой его пассии было по такой вещице, и именно на них он когда-то набил руку в резьбе. Золото имеет цену, а искренность — нет. Будь ему хоть капельку не всё равно, разве стал бы он так небрежничать? Жаль только, что некоторые этого не понимают.

Сестрица Бай искренне сочувствовала простодушному спутнику господина Цзи.

В итоге Хуайчжэню стало лень вырезать даже ласточку. Он нацарапал кружок вместо головы и крестом вместо крыльев — при желании это можно было принять и за кошку, и за собаку. Чистой воды издёвка над доверчивым простаком.

В древности Чжао Гао выдавал оленя за лошадь, а ныне Цзи Хуайчжэнь выдавал несколько кривых линий за ласточку.

Разделавшись с подарком, Тайфу наконец перешёл к делам. Выходя из лавки, он поймал взгляд притаившейся в толпе Бай Сюэ и послал ей торжествующий взор: «Видала? Проще простого».

Вскоре экипаж доставил их к дверям заведения, где почти не было прихожан. Над воротами красовалась вывеска: «Даосский монастырь Цинъюань». Маленький послушник, обняв метёлку, дремал у входа. На вид ему было лет тринадцать-четырнадцать. Хуайчжэнь легонько шлёпнул его по затылку. Мальчишка подскочил в ужасе, уставился на него как на привидение и, вопя на весь монастырь, бросился внутрь:

— Учитель! Учитель! Старший брат Сяоцзя был прав! Пришёл человек неопишущей красоты!

Спустя минуту из дверей, громко смеясь, вышел старый даос. Несмотря на преклонный возраст и морщинистую кожу, он выглядел бодрим, а голос его гремел подобно колоколу. В народе его величали Даос Цзэн.

Едва завидев гостя, он провозгласил:

— Бедный даос уже давно дожидается господина Лу.

Как ни был Хуайчжэнь высокомерен, приличия требовали соблюдения обрядов. Он сложил руки в вежливом приветствии и сообщил, что пришёл по совету даоса Чжана.

— Слышал, ваши предсказания на редкость точны. Наша миссия связана с великим будущим Великой Ци, и вскоре мы покинем Фэньчжоу. Перед дорогой я хотел бы получить совет, чтобы развеять сомнения и успокоить сердце.

Выслушав господина Цзи, старик понимающе улыбнулся и пригласил их войти.

— Бедный даос ещё ночью читал по звёздам и знал, что вы сегодня почтите нас своим визитом. Чай уже готов, прошу вас.

Хуайчжэнь сдержанно улыбнулся, многозначительно окинув старика взглядом. Он уже собрался переступить порог, когда Яньчи осторожно потянул его за рукав и шепнул на ухо:

— От него несёт жирным мясом. Будь осторожен, я пойду впереди.

Тайфу и сам почувал этот запах. С чего бы даосу с самого утра объедаться мясом? Слова и манеры старика казались ему сплошным надувательством, а вот фраза послушника про «старшего брата Сяоцзя» заинтриговала его куда больше.

Не успел Хуайчжэнь и слова вставить, как Яньчи уже проскользнул вперёд. С видом защитника он настороженно огляделся и, лишь убедившись в безопасности, позволил господину Цзи следовать за собой.

Яньчи всё ещё держал его за руку. Жар его ладони вызвал у Хуайчжэня странный укол досады.

«С чего это Лу Шии стал для него настолько важен? С какой стати он во всем ставит его на первое место?»

Они миновали ворота и дошли до главного зала, где высились изваяния великих божеств. Статуи были выполнены столь искусно, что казались живыми. Боги взирали на Хуайчжэня сверху вниз, словно прозревая все его тайны. От этого взгляда по спине пробежал холодок.

Но он не верил в духов и богов, полагаясь лишь на собственную волю.

После обряда подношения благовоний Даос Цзэн провёл их в боковой предел и предложил Хуайчжэню присесть к столу. Хотел было пригласить и Яньчи, но тот застыл рядом, скрестив руки на груди, и сверлил старика ледяным, полным подозрения взглядом. Чувствуя, что с этим парнем шутки плохи, наставник решил его не трогать.

Вместо того чтобы тянуть гадательные палочки, старик достал шесть медных монет и велел бросить их на стол. Первая монета упала лицевой стороной вверх, вторая — вниз, третья — снова вверх, а остальные три — вниз.

Даос погрузился в раздумья, поглаживая седую бороду и то и дело качая головой. Видя, что тот принялся наводить тень на плетень, Хуайчжэнь не стал его разоблачать, лишь мягко спросил:

— Ну, что скажете?

Собеседник внезапно расхохотался, заставив Хуайчжэня вздрогнуть и мысленно выругаться.

— Жизнь — лишь временное пристанище, а смерть — возвращение домой. Раз господин Лу готов рискнуть собой и отправиться в земли варваров Ижун, небеса не оставят его своей милостью. Судя по гексаграмме, вы непременно вернётесь в целости и сохранности!

В глубине души Тайфу лишь хмыкнул. Теперь он окончательно убедился, что перед ним обычный шарлатан — скорее всего, просто пешка, которую выставили напоказ. Он продолжал смотреть на старика с неизменной улыбкой, от которой у того по спине пополз холодный пот. Даос тщетно пытался разгадать мысли знатного господина: радуется тот или гневается? По этому лицу ничего нельзя было понять.

Запинаясь, старик выдавил:

— Господин Лу, не кажется ли вам, что в моих словах есть некая неточность?

Хуайчжэнь снова вежливо поклонился:

— Что вы, да будет так, как вы предсказали.

Но в этот момент в дверях снова возник послушник:

— Учитель! Учитель! Там хозяин игорного дома снизу пришёл!

Старик мгновенно вскипел:

— Хватит болтать чепуху! Поди вон и жди там!

Он неловко улыбнулся Хуайчжэню:

— Прошу господина немного подождать здесь.

Едва он скрылся, Яньчи заговорил:

— Когда мы уйдём? Он же водит тебя за нос. Кажется, что бы ты ни выкинул, у него на всё

один ответ.

Хуайчжэнь с усмешкой посмотрел на него. «Надо же, — подумал он, — когда не надо, этот парень соображает на редкость быстро».

— Пусть себе кривляется. У меня к нему ещё есть важное дело.

Послышались шаги — кто-то крался за дверью на цыпочках. Яньчи мгновенно подобрался, бесшумно скользнул к выходу, намереваясь схватить шпиона, но его руки схватили лишь пустоту.

В комнату, передвигаясь на карачках подобно собаке, заскочил человек. Судя по тому, как ловко он проделал этот маневр, опыта в подобных делах ему было не занимать. На госте был простой белый халат, а волосы вместо шпильки удерживала обычная сухая ветка — вероятно, это был кто-то из младших учеников. Он заглянул в коробочку с монетами на столе и, бесцеремонно улыбнувшись Хуайчжэню, заявил:

— Он всё наврал. Эта гексаграмма называется «Огонь над Землёй», Цзинь. Это знак блуждающих душ. Твоя жизнь висит на волоске, и этот знак сулит возвращение к истокам. Хочешь, я растолкую тебе его по-настоящему?

У незнакомца были благородные черты лица и ясный, живой взгляд. Он меньше всего походил на даоса — скорее на вольного героя из легенд, в каждом движении которого сквозила неуловимая легкость и удаль.

В Хуайчжэне проснулось любопытство. Он подпёр подбородок рукой и с многозначительной улыбкой посмотрел на вошедшего:

— Что ж, я весь во внимании.

Яньчи, видя этот взгляд, недовольно хмыкнул.

<http://bllate.org/book/15318/1364056>